

Чарская Лидия Алексеевна

Мошкара

Окончание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55   **Лидия Алексеевна Ч.**
Мошара: Окончание / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию,
2022. – 115 с.

ISBN 978-5-521-29843-3

ISBN 978-5-521-29843-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гдѣ на полу стояла жестяная лампочка, и пятеро мужчинъ, сидя вокругъ карточной колоды, попросту положенной на землю, играли въ карты.

Рыжій, всклокоченный, громадный человѣкъ, съ добродушнѣйшимъ лицомъ ребенка, совершенно противоположнымъ его сильной атлетической фигурѣ, съ мутнымъ взоромъ, грязный, рваный и распоясанный, съ отстегнутымъ воротомъ на груди, сквозь отверстіе котораго выглядывало огненно красное волосатое тѣло, равнодушно взглянулъ на вошедшаго и, промывавъ что-то неопредѣленное, снова сосредоточенно впился взоромъ въ засаленныя фигуры картъ.

— Марку Артеміевичу!—процѣдилъ въ ту же минуту дурчливый фальцетомъ тоненькій, жидкій, съ бѣгающими по сторонамъ вороватымъ глазами вертлявый человѣчекъ, казавшійся подросткомъ среди своихъ партнеровъ, одѣтый со щеголеватой тщательностью, убого проглядывающей сквозь жалкія нищенскія отрпця платья. Въ испитомъ лицѣ его, пронырливомъ, какъ у мальчишки, крылось что-то большее, нежели лукавство, что видѣлъ не каждый, и что было не легко уловить въ первыя минуты. И оно было по-своему красиво, это лицо, несмотря на невидимое что-то, поражающее и отталкивающее скорѣе, красиво, нежели безобразно, со вѣщи его слѣдами короткаго и сквернаго пережитаго въ этихъ заострившихся, почти юныхъ чертахъ.

Трое остальныхъ игроковъ, ушедшіе въ свое занятіе, не обратили никакого вниманія на Марка. У одного изъ нихъ, стараго, грязнаго старика съ подшибленнымъ глазомъ, перевязаннымъ грязной окровавленной тряпичей, слѣды на лицѣ говорили о неизгладимой порочной болѣзни. Онъ былъ извозчикомъ по профессіи раньше и теперь еще ходилъ въ изодранномъ, неузнаваемомъ отъ старости и грязи армякѣ, похожемъ на лохмотья.

Двое остальныхъ, ободранные, съ вспухшими отъ лишеній и пьянства лицами, не имѣли опредѣленныхъ лѣтъ и физиономій. Ихъ звали близнецами въ городѣ и въ „ротѣ“, и они дѣйствительно походили другъ на друга, какъ два родные брата. То же голодно алчущее выраженіе у обоихъ, съ однимъ четко написаннымъ желаніемъ въ глазахъ—напиться до самозабвенія, тѣ же убогія лохмотья и похожія на куски расщепаннаго и слежавшагося войлока мохнатыя головы.

Маркъ безшумно приблизился къ играющимъ и присѣлъ подлѣ черненькаго вертляваго человѣчка прямо на земляной полъ казармы.

Тоненькій вертлявый человѣчекъ съ испитымъ мальчишескимъ лицомъ тихо закинулъ въ его сторону, закрывая лицо картами и лукаво скашивая глаза на своихъ партнеровъ.

Онъ выигрывалъ. Ему везло.

Потомъ разомъ встрепенулся, точно вспомнилъ что-то, и по лицу его разлилось таинственно-радостное выраженіе.

— Онъ тутъ!—сказалъ онъ вдругъ тихо, даже слишкомъ торжественно, тихо для этой обстановки, съ лицомъ, засіявшимъ остатками радости, оставленной ему жизнью.

Маркъ встрепенулся, поднялъ разомъ свое просвѣтлѣвшее лицо на „вертляваго“ и, мгновенно блѣднѣя, спросилъ:

— Казанскій?

Дыханіе захватило въ его груди.

— Чернякъ! Загребай! Чего эъваешь!—огрызнулся рыжій оборванецъ и присовокупилъ бессмысленную ругань къ своимъ словамъ.

Чернякъ весь какъ-то съежился, засуетился и съ линоватымъ видомъ, бочкомъ, потянулся за взяткой.

Теперь уже Маркъ не могъ оставаться спокойнымъ. Онъ бессознательно схватился пальцами за грязный, но франтовато застегнутый кафтанъ Черняка и, впиваясь въ него ярко-разгорѣвшимися глазами, шопотомъ спросилъ:

— Пріѣхалъ! Вернулся! Ты говоришь вернулся?

— Пригнали!—пояснилъ хриплымъ басомъ Михайло Ивановичъ, какъ звали въ „ротѣ“ рыжаго оборванца...—пригнали-съ, по самой, значить, по Шлюшемской гладкой... Вчерашнимъ этапомъ на безсрочную побывку, на вѣчное гощеніе-съ. Грань-мерси-съ при такомъ дѣлѣ-съ. На мерзавчика-бы съ вашей милости-съ не мѣшало-бы за такое наше сообщеніе.

— Пригнали!—еще разъ натянутымъ, неестественнымъ голосомъ произнесъ Маркъ въ пространство. И вдругъ ему разомъ стало невыносимо всякое новѣдѣніе ожиданія. Онъ весь сжался какъ котенокъ и, подергивая плечами, застѣнчиво, по-дѣтски, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— Повидать-бы! Гдѣ онъ? Можно его видѣть?

— Успѣешь!—грубо обрѣзалъ его Михайло Ивановичъ.—Не растаетъ онъ тебѣ и завтра... Приходи завтра и увидишь.

— Сюда приходить?—тѣми-же робкими звуками срывалось съ губъ Марка.

— Хопь сюда, хопь къ „Оленю!“—отвѣтилъ за Михайла Ивановича „Извозчикъ“, и досадливо отмахнулся отъ него рукой, какъ отъ надоѣдливой мухи.

— Къ „Оленю“ пожалуйте!—произнесъ одинъ изъ близнецовъ, прозванный среди товарищей Первымъ, такъ какъ онъ казался старше и выше своего невольнаго собрата.

Михайло Ивановичъ свирѣпо взглянулъ на говорившаго и, краснорѣчиво погрозивъ ему кулакомъ, покрылъ козыркой засаленнаго червоннаго валета. Потомъ опъ, сосредоточенно нахмурившись, запустилъ громадную руку за пазуху и поскребъ ногтями на груди.

Свѣтъ лампы значительно съсѣклся и потускнѣлъ: отъ нея сильнѣе запахло догорающимъ керосиномъ и стало замѣтно чадить. Чернякъ ловко сбросилъ только-что вышедшую изъ колоды пятерку и оставилъ „Извозчика“ въ дуракахъ. Михайло Ивановичъ и близнецы вышли раньше и съ жаднымъ тупымъ любопытствомъ слѣдили.

— Молодецъ, робя!—забаснулъ на всю роту рыжий, и такъ сильно хватилъ ручищей по плечу Черняка, что тотъ весь съежился отъ боли,—экъ отхвтался! За тобой косушка, миль-человѣкъ! Мозглякъ этакій, вишь насобачился,—обратился онъ къ Марку,—колошмятитъ сво который ужъ вечеръ!—И онъ подмигнулъ на обыграннаго.—Извѣстное дѣло, извозчикъ и есть! Кто на немъ не ѣздитъ!—И онъ сдѣлалъ циничное добавленіе и первый же загоготалъ во все горло надъ своей остротой.

— Кто тамъ глотку дереть, лѣшіе?—Послышалось откуда-то сверху нарѣ и всклокоченная голова съ спухшими щеками появилась надъ играющими.—Разбушевались, черти! прорва то дери! Старшинѣ пожалуюсь... Собаки, сна на ихъ нѣту.

— А ты, дяденька, полегше!—задравъ голову кверху, протянулъ со значительнымъ видомъ „Извозчикъ“,—давно тебя, дяденька, падо быть не дули? Зарапортовался! Ишь форсу напустилъ! Дрыхни, Каиново отродье, цѣлъ покуда.

— Ктой-то Каиново отродье? Я што-ли?—неестественно громко взвизгнула всклокоченная голова и цѣлый потокъ грязной, отвратительной, какъ вонючая вода, сирадной ругани повисъ надъ ротой. И услышавъ знакомые звуки, отовсюду

потянулись подпухшія заспанныя лица, въ которыхъ почти не было ничего человѣческаго; нары закипѣли живыми существами, похожими на чудовищъ при тускломъ освѣщеніи чадающей лампочки. Отовсюду мертвенно-разлагающими нитями непроглядной паутины потянулась эта ругань, отталкивающая, циничная, животная и больная. Встрепоженная перебранкой и разбуженная ею рота не могла уже успокоиться. Весь воздухъ или, вѣрнѣе, смрадъ, замѣняющій воздухъ въ этой огромной призмѣ помѣщенія для людей наполнился этими звуками, отдающими гніеніемъ заживо погребенныхъ, иной разъ бессмысленными и безтолковыми и еще болѣе обидными оттого.

Лампа почала еще съ добрую минуту и потухла, распространила вокругъ себя специфическій запахъ, насильно вонзающійся въ голову и наполняющій ее тѣмъ же чадомъ минутнаго безумія.

И въ темнотѣ черныя фігуры, все еще безтолково копошавшіяся во мглѣ и изрыгающія свои проклятія, казались исчезающими ада, наполнившими тѣмъ.

И вдругъ чей-то мощный, здоровый и гулкій окрикъ пронзилъ разомъ всю эту мглу безобразныхъ черныхъ рѣчей.

Маркъ не зналъ голоса, потому что никогда еще не слышалъ его. Но онъ смутно инстинктомъ почувствовалъ того, кому принадлежалъ окрикъ и кто вошелъ невидимый и неслышимый въ темноту роты. Онъ почувствовалъ его всѣми нервами и сердце его застучало сильно и однотонно, мощно и опредѣленно въ одно и то-же время, какъ машина.

Со стороны двери потянулась легкая, чуть примѣтная струйка свѣжей лѣтней ночной прохлады и обезсиленная разомъ затерялась въ сгущенныхъ волнахъ зловонія. Но Маркъ успѣлъ захватить ее губами и отхлебнуть отъ ея облегчающей, отрадной, хотя и минутой свѣжести. И всѣ его мысли приковались къ этой свѣжей струѣ, только-что выпитой имъ. О другомъ, неожиданномъ и свѣтломъ онъ точно боялся думать.

Въ ротѣ разомъ стало тихо, какъ въ могилѣ.

Гулкій, сильный и мощный голосъ замеръ въ первыхъ-же его звукахъ... Но отзвуки его, казалось, еще наполняли темную казарму и дрожали въ ней. Маркъ вздрогнулъ отъ этихъ звуковъ и, обнявъ ихъ разомъ, принявъ въ себя какъ сокровище. Онъ понялъ сразу „кто“ вошелъ и крикнулъ и предъ

къмъ покорно замолчала и притихла эта безтолково-ругавшаяся, озвѣрѣлая, сонная толпа. Въ ту-же минуту кто-то быстро и не сильно схватилъ руку Марка и знакомый голосъ Черняка шепнулъ ему въ ухо:

— Это онъ!

— Онъ!—эхомъ повторилъ за нимъ Маркъ и весь обратился въ слухъ, бесполезно впиваясь острыми глазами въ темноту „роты“. И вдругъ голосъ снова зазвенѣлъ надъ нею, но въ немъ уже не было того гнѣвнаго, изступленнаго перелива, который слышался въ первомъ окрикѣ.

— Дьяволы, право, ну, дьяволы,—уже безъ тѣни раздраженія ропялъ голосъ, и звуки его, точно тяжелыя капли горячаго свипца, одна за другою падали на душу Марка, обжигая ее своимъ прикосновеньемъ,—взъерепеннись среди ночи, какъ жулики какіе, право. Чего спрашивается? Что-бъ молчокъ у меня, рвань перекатная! Обходи на носу, а они—въ галдежку! Дрыхнуть! всѣ дрыхнуть до единаго! Черти, право, черти! благополучія своего не знаютъ.

— Пьянъ?—чуть слышно шепнулъ Черняку Ларанскій, улавливая легкое дрожаніе въ голосѣ говорившаго.

— Онъ-то?—смѣшливымъ шопоткомъ переспросилъ Чернякъ и захихикалъ едва слышно.—Да развѣ онъ можетъ? Ужо завтра у „Оленя“ увидишь, какъ пьеть онъ! Пьянъ, какъ-же! А теперь ступай! Ступай, тебѣ говорить,—присовокупилъ онъ, внезапно раздражаясь.—Обходи будетъ скоро. Слышалъ! Ступай, баринъ! не до тебя тутъ!

Но Маркъ точно застылъ на мѣстѣ, точно замеръ. Душа его смутно жаждала прежнихъ звуковъ и вся тянулась на встрѣчу уже знакомаго голоса, казавшагося роднымъ.

Но голосъ молчалъ и Марку оставалось уйти.

И онъ пошелъ.

VI.

И опять длинная, бѣлая, какъ па картинѣ, на сонѣ похожая дорога потянулась впереди его, пока онъ шагаль отъ „роты“ къ фабриктъ. И глядя па эту дорогу, Маркъ думаль о томъ, кого услышалъ впервые и кого ждалъ столько времени и наконецъ дождался.

Теперь все пережитое и мучительное отошло куда-то отъ

него совсѣмъ, не только отъ сердца, но и отъ памяти, словно его заглушили металлическіе звуки того голоса, который онъ только-что слышалъ. На душу свѣтло и просто легла радость... Вошла и легла въ ней, покойная, легкая и ясно-свѣтлая зараза. Она засіяла въ ней и освѣтила ее всю кругомъ своимъ сіяніемъ, какъ огромная лампа, дающая заодно и тепло и свѣтъ.

Маркъ ждалъ этой радости давно и долго, мучительно и упорно, а когда она явилась къ нему, онъ даже испугался сначала того, что она будетъ не полна и не совершенна, такъ какъ время ожиданій могло выпить изъ нея всю ея остроту. Но когда онъ услышалъ и угадалъ въ ротѣ присутствіе „того человѣка“, то понялъ сразу, что все въ немъ полно.

Побой прежнихъ лѣтъ, мука оскорбленій, приниженное „я“ человѣка, еще не вылившагося въ форму определенную, но давно созрѣвшаго; наконецъ, новѣйшія впечатлѣнія: пощечина и Лиза,—все скрылось подъ сугробомъ чистой, ясной радости, освѣжающей его своей прохладой какъ снѣгъ.

Онъ тутъ, онъ пришелъ, онъ откроетъ ему, Марку, всѣ предстоящія истины, научить его быть тѣмъ, что подняло его самого надъ толпою, что заставляетъ трепетать и покорно склоняться предъ нимъ остальныхъ, онъ сдѣлаетъ его такимъ-же могучимъ и сильнымъ, онъ создастъ въ немъ образъ и подобіе свое,—для этого стоило ему, Марку, ждать и терпѣть цѣлые годы.

Кумиръ, поднятый высоко на его средю, недостижимый и свѣтлый, показался вдругъ Марку близкимъ и какъ-бы доступнымъ. Но отъ этой близости сіяніе его не померкло, а разгорѣлось ярче, какъ божество: божество явилось къ смертному и смертный ослѣпъ отъ величія славы. А „тотъ человѣкъ“ былъ божествомъ для Марка.

Когда Марка отдали въ четырехклассное городское училище—отецъ нашелъ лишнимъ отдавать его въ какое-либо учебное заведеніе для дѣтей интеллигентовъ, заранѣе предполагавая въ немъ тупость и неспособность къ ученью—и такъ, когда Марка отдали въ училище вѣстѣ съ остальными дѣтьми фабричныхъ, онъ сразу пошелъ на дурной счетъ.

Замашки испорченнаго, вороватаго, забитаго ребенка давали себя чувствовать и въ школѣ.

Маркъ „проявлялъ“ себя тамъ тѣмъ-же дикаремъ, какъ и дома, и тамъ его били такъ-же, какъ били на фабричномъ дворѣ его товарищи по играмъ, какъ былъ подъ пыльную руку отецъ въ помѣщеніи конторскаго домика.

Но тамъ его били по крайней мѣрѣ за дѣло. И это понималъ Маркъ и не пыталъ къ школѣ никакого озлобленія, ни гнѣва.

Онъ лѣнился—его наказывали, онъ спалъ за уроками—его наказывали снова, онъ убѣгалъ въ классное время или не приходилъ вовсе—его драли опять, и это не поднимало въ немъ обиды и протеста, какъ нѣчто вполне заслуженное.

Учился онъ вяло и съ трудомъ одолѣлъ грамоту. Дальше этого онъ не пошелъ и его прогнали изъ школы. Послѣ его исключенія отецъ уже не заботился о немъ и его развитіи и Маркъ былъ предоставленъ самому себѣ, какъ дикая птица. Онъ работалъ на фабрикѣ когда хотѣлъ и какъ хотѣлъ, присасываясь къ той или другой машинѣ, къ тому или другому отдѣленію, не получая ничего за свой трудъ, не состоялъ даже въ спискѣ рабочихъ, какъ сынъ конторщика и какъ „свой“ „служащій“ былъ тернимъ надсмотрщиками и поденщиками въ рабочихъ камерахъ.

Онъ толкался среди нихъ то бездѣлничая, то вдругъ, съ внезапнымъ озвѣреніемъ энергіи накидываясь на работу и перегоняя быстротою работъ всѣхъ занятыхъ работниковъ.

Въ первый-же годъ по исключеніи изъ школы онъ сошелся съ Чернякомъ, фабричнымъ малымъ, испорченнымъ до мозга костей, успѣвшимъ побывать и въ исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ за какую-то кражу со взломомъ. Когда Черняка прогнали за перадрѣніе и пьянство съ фабрики и онъ попалъ въ „золотую роту“ какъ безпаспортный и „колонистъ“, Маркъ не прервалъ съ нимъ своей дружбы. Онъ сталъ навѣщать его въ „ротѣ“, знакомясь съ его товарищами и невольно вынося изъ нихъ среды тотъ „запахъ ея“, который присущъ каждому слою общества.

А эти отщепенцы общества, призраемые въ большой вопочей казармѣ „золотой роты“, имѣли свой собственный закопъ, свой строй, свой бытъ, свою собственную обособленную жизнь и идеалы. Да, даже идеалы.

„Золоторотцы“ составляли особый классъ населенія ма-

ленького города. Въ пѣдрахъ маленького города крылись большія задачи. Маленькій городъ намѣревался оберегать большой городъ, на протяженіи 60 верстъ отстоящій отъ него, отъ голодной, рваной, сѣрой толпы пролетаріевъ, которую препровождали еженедѣльными этапами изъ большого города въ маленький, въ вонючую, желтую казарму.

Маленькій городъ, давъ помѣщеніе пригнаннымъ ссыльнымъ „безпаспортнымъ“, предоставлялъ имъ полную свободу выбора какъ и чѣмъ зарабатывать свой хлѣбъ.

И администрація города, во главѣ съ дамами патронессами, испоконъ вѣковъ учредила субботній заработокъ этимъ несчастнымъ.

Еженедѣльно, по субботамъ, вся эта рваная, нищая и алчущая братія сновала по домамъ болѣе или менѣе зажиточныхъ горожанъ, получая отъ нихъ утвержденную подачку. Этими получками жили сѣрые люди, виновные развѣ только въ томъ, что, слабые духомъ, они не могли побѣдить слабости тѣла и поддались безъ борьбы и усилій страшному звѣрю, который, разъ побѣдивъ и осиливъ, неуклонно велъ ихъ къ гибели.

Они были жертвы этого звѣря, жертвы алкоголизма, котораго осилить не имѣли силъ.

Они жили впрочемъ и не одними подачками и субботнимъ поборомъ, они стремились заработать свой хлѣбъ какъ могли, свой хлѣбъ или свою водку вѣрнѣе, потому что она одна давала имъ забвеніе гораздо болѣе нужное, чѣмъ хлѣбъ.

Цѣлыми толпами ожидали они прибытія пароходовъ на городской пристани и рвали кладъ изъ рукъ пріѣзжихъ, готовые разодратъ какъ звѣри изъ-за каждаго гроша.

Шли на фабрику и предлагали свои руки и силы напоеденный трудъ. Но ихъ брали неохотно, потому что болѣе близкая народонаселенію толпа „честныхъ“ тружениковъ фабричныхъ могла остаться изъ-за нихъ безъ хлѣба. И такъ уже, съ развитіемъ капитализма въ связи съ западной цивилизаціей, желѣзная сила процвѣтала здѣсь въ ущербъ ручной.

Желѣзныя руки замѣняли людскія, и число голодныхъ, ищущихъ труда, возрастало съ каждымъ днемъ.

Нечего и говорить, что „честнымъ“ труженикамъ давалось предпочтеніе, а сѣрые люди изъ желтой казармы должны были довольствоваться отбросами съ того жалкаго, скуднаго пира, который задавали другимъ.

И все-таки это былъ пиръ или казался по крайней мѣрѣ пиромъ жалкимъ пролетаріямъ, въ сравненіи съ ихъ прозябаніемъ въ желтой казармѣ и на углахъ улицъ.

Многіе изъ нихъ, конечно, отвыкли отъ труда и нашли свое „забвеніе“.

Но нѣкоторые еще боролись, отстаивая свои призрачныя права безправія, но среди этихъ послѣднихъ было меньшинство.

Маркъ зналъ всѣ интересы „золотой роты“, зпалъ и ея жизнь мучительную и больную, какъ кошмаръ.

Въ предпраздничные и праздничные дни кишѣли они толпою у оградъ часовенъ и церкви, единственной церкви маленькаго города, и нарочно жалобными голосами, жуткими по хриплости и дикости звука, зывали о милостынѣ.

Они имѣли на это право, потому что имъ отказывали въ трудѣ.

Нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось обмануть администрацію — уйти „убѣгомъ“ въ большой городъ, который въ силу запрета казался имъ особенно желаннымъ и соблазнительнымъ, какъ райскій плодъ.

„Счастливецъ“ закладывалъ свой казенный кафтанъ у кабатчика за ведро водки, угощалъ товарищей на „отвальнѣ“ и уходилъ по хорошо знакомому каждому золоторотцу тракту. Случалось это зимой, — бѣглець жестоко отмораживалъ себѣ ноги и чуть не ползкомъ добирался до желанной цѣли, но все-таки добирался, упорный, какъ мапьякъ. Его тянуло туда не потому, что въ большомъ городѣ жилось вольготнѣе ихъ брату безпаспортному бродягѣ, нѣтъ. Просто большой городъ — былъ его „цѣлью“, цѣлью жизни, присущей каждому человѣку. И безправный бродяга создавалъ себѣ эту цѣль, наполняя свою жизнь ею. Безцѣльная жизнь была-бы могиллой для него.

Въ каждой жизни долженъ быть идеаль, стремленіе къ цѣли. Такъ рѣшили люди. Такъ должно быть.

Идеаломъ сѣрыхъ людей изъ желтой казармы являлся большой городъ и борьба съ администраціей въ силу воздвигнутыхъ властью къ тому преградъ; ихъ поджигало это препятствіе и распаляло ихъ жгучее стремленіе къ ихъ идеалу. Они шли на-проломъ, лѣзли, какъ лѣзутъ муравьи, устойчиво и упорно, на свои кучи, и снова ихъ водворяли въ желтую

казарму маленькаго города, чтобы снова зажить тамъ неудовлетвореннымъ желаніемъ стремленія къ ихъ цѣли.

Какъ и у каждаго человѣка, какъ у сѣрыхъ людей, такъ и у Марка была цѣль... Она появилась въ немъ съ той поры, когда Чернякъ сказалъ ему о Казанскомъ.

Случилось какъ-то однажды, что Маркъ, будучи мальчишкой, сдѣлалъ Черняку созпательную гадость.

Чернякъ, несмотря на свои 20 лѣтъ, казался вдвое слабѣе сильнаго, коренастаго четырнадцатилѣтняго Марка и Чернякъ не сумѣлъ отплатить ему обидой за обиду: онъ только вскипѣлъ, заметался какъ раненый и, взглянувъ съ ненавистью въ самые зрачки Марка, прошепталъ:

— Вотъ погоди ты, узнаетъ Казанскій!

И съ этой минуты все чаще и чаще стало слышаться это имя Марку. Чѣмъ больше входилъ онъ въ строй жизни своихъ новыхъ друзей, чѣмъ больше знакомился съ ними, тѣмъ яснѣе выплывалъ изъ тумана пестрый и загадочный образъ того человѣка, о которомъ говорили всѣ не иначе какъ съ уваженіемъ среди сѣрой безправной семьи.

У золотой роты повидимому былъ еще идеаль, помимо стремленія къ большому городу, и еще болѣе ясный и опредѣленный.

Такимъ идеаломъ являлся Казанскій.

„Казанскій придетъ. Казанскій скажетъ. Казанскій разсудитъ. Погоди, скажу Казанскому“,—слышалъ Маркъ постоянныя фразы отовсюду изъ устъ сѣрыхъ людей. О Казанскомъ всегда говорили пониженнымъ тономъ, умышленно смягченнымъ голосомъ, какъ о чемъ-то, что имѣетъ власть, силу и подчиняетъ уваженіемъ къ себѣ.

И отъ этихъ отзывовъ вѣяло чѣмъ-то хорошимъ и свѣтлымъ.

Слушая постоянныя рассказы сѣрыхъ людей о Казанскомъ, Маркъ привыкъ думать о немъ, не зная его. Личность Казанскаго, невѣдомая Марку, плѣняла его тѣмъ обаяніемъ тайны, которой былъ оаруженъ этотъ загадочный человѣкъ. Его престижъ среди безправныхъ, сѣрыхъ людей, безцеляціонно признанный какъ авторитетъ Казанскаго, постоянныя восторженные отзывы золотой роты о немъ, все это вмѣстѣ взятое не могло по повліять на впечатлительную душу Марка. И мало-по-малу въ душѣ его выросъ и сложился мощный и вполне опредѣ-